

«Греховные вещи и духовные» (частная жизнь в России по материалам церковного суда XVII в.)

Вячеслав Козляков

«Things sinful and spiritual»
(private life in Russia based on the materials of the church court
of the 17th century)

Vyacheslav Kozlyakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23040041, EDN: HMEUFX

Исследование частной жизни в России XVII в. по материалам церковного суда позволяет выйти за пределы метрического канона описания жизни большинства «добрых людей»¹ – даты рождения, брака, смерти. Многообразие частных обстоятельств отчётливо видно при обращении к документам церковного судопроизводства. Перечень дел, рассматривавшихся в церковном суде, оказывается на редкость постоянным. Он восходит ещё к древнерусским уставам князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. В списке архивной редакции Устава князя Ярослава Владимировича, составленном в конце XV в., дела церковного суда точно обозначены как «греховныя вещи и духовны»². Объясняя содержание этих терминов, В.О. Ключевский уточнил: «Грех ведает Церковь, преступление – государство». Историк разделял «дела только греховные, без элемента преступности», которые Церковь судила самостоятельно. Например, «волхование», «браки в близких степенях родства», «развод по взаимному соглашению супругов» и другие. Существовали и «дела греховно-преступные»; их отличительной особенностью, по мнению Ключевского, было присутствие «насилия», «физического или нравственного вреда для другого». Они нарушали и «государственный закон», поэтому церковные судьи лишь участвовали в разборе дела вместе с княжеским судьёй. К разряду «греховно-преступных» дел историк относил «дела об умычке девиц, об оскорблении женской чести словом или делом, о самовольном разводе мужа с женой по воле первого без вины последней, о нарушении супружеской верности и т.п.». Дела «духовные» в Уставе князя Ярослава учёный трактовал исключительно как «сословные, касающиеся лиц духовного ведомства»³.

© 2023 г. В.Н. Козляков

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00850.

¹ Козляков В.Н. «Как живут добрые люди» (источниковедческие проблемы изучения частной жизни в России по материалам «духовных дел» 1660–1670-х гг.) // Российская история. 2021. № 1. С. 26–36.

² Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 103; Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ. Т. 41. М., 1995. С. 53.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 257–258.

Нормы древнерусских княжеских уставов практически без изменений вошли в Стоглав 1551 г., хотя со временем, как заметил историк Церкви Е.Е. Голубинский, произошло «расширение пространства области церковного суда». Суд епископов «в Московское время» стал включать «тяжбы по рядным грамотам», «дела по духовным грамотам», дела по жалобам «рабов на господ», «родителей на детей в непослушании», «мужей на жён и жён на мужей в прелюбодеянии», «дела о браках детей против воли родителей», «дела о незаконных детях», «дела о насилии жён и детей», споры об отданном на хранение имуществе, дела об усыновлении и «некоторые виды бесчестия»⁴. Изменилось и содержание понятия «духовные дела», в России XVI–XVII вв. оно получило двойное значение: суд людей Церкви и подведомственные суду Церкви дела мирских людей.

В отечественной науке документы церковного суда исследовались в основном в рамках церковной истории. В 1917 г. увидел свет фундаментальный труд иеромонаха (в будущем митрополита) Николая (Ярушевича), посвящённый истории духовного суда в России до Соборного уложения 1649 г.⁵ Магистерская диссертация выпускника Санкт-Петербургской духовной академии, как оказалось, подвела итог светской (К.А. Неволин)⁶ и церковной (Т.В. Барсов, Е.Е. Голубинский, А.С. Павлов, И.Ф. Перов, Н.С. Суворов и др.)⁷ историографии XIX – начала XX в. Отсутствие работ на эту тему в более позднее время связано с почти полным «закрытием» изучения истории Церкви в советской историографии (за исключением публицистики, еретических и антицерковных движений). Отказ от «обличительного» подхода в церковной проблематике состоялся только в начале 1990-х гг., когда исследователи вернулись к изучению церковного суда в разные периоды его существования⁸.

Современная историография восполнила многие лакуны остававшейся в небрежении церковной истории в России. Важные достижения связаны с подробным источниковедческим изучением основополагающих памятников русского церковного права – Кормчей книги и Стоглава (Е.В. Белякова, Е.Б. Емченко, М.В. Корогодина)⁹. Интересный материал для изучения частной жизни даёт епитимийная литература, специально исследованная М.В. Корогодиной¹⁰. В рамках «гендерного» подхода рассматривалась история женщин

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Первая половина. М., 1901. С. 415.

⁵ Николай (Ярушевич), иером. Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича (1649 г.). Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде. Историко-каноническое исследование. Пг., 1917.

⁶ Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России. СПб., 1847.

⁷ Барсов Т.В. Процессы духовного суда в древней вселенской церкви // Христианское чтение. 1871. № 8. С. 243–303; Барсов Т.В. О последствиях расторжения брака в случае прелюбодеяния // Христианское чтение. 1882. № 5–6. С. 799–842; Павлов А.С. 50-я глава Кормчей книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; Павлов А.С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902; Перов И. Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI–XVII веках. (Историко-канонический очерк). Рязань, 1882. С. 128–203; Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888; Суворов Н.С. Курс церковного права. Т. 1. Ярославль, 1889.

⁸ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Оспенников Ю.В., Гайденок П.И. Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты. СПб., 2020.

⁹ Стоглав: Текст. Словоуказатель / Подгот. Е.Б. Емченко. М.; СПб., 2018.

¹⁰ Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб., 2006.

в допетровской Руси (Н.Л. Пушкарёва, Н. Бошковска, И. Левин)¹¹. Особое значение имеют работы Д. Кайзера, впервые изучившего многие сюжеты истории семейных отношений в России в раннее Новое время в свете влияния на них религии и церковного права¹².

Противопоставление «женской истории» мужскому миру и восприятие «Церкви» как «антифеминистской силы»¹³ приводит исследователей гендера к неизбежным ограничениям. Общая картина, при всём интересе ко многим впервые введённым в научный оборот историческим деталям, представляется заданной первоначальными установками. В. Кивельсон, говоря о «методологических проблемах» учёных при «изучении гендерных отношений в России раннего Нового времени» пишет: «Источники намеренно подбираются таким образом, чтобы они отражали господствовавшие в России представления о сексуальности и гендерных различиях, и, разумеется, соответствующая проблематика оказывается в них на первом плане»¹⁴. К делопроизводству церковных архивов исследовательницы этого направления обращались мало. Единственной работой, где подробно использовались дела церковного суда, стал труд Н. Коллманн о защите чести в России в раннее Новое время. Однако и она изучала выявленные казусы судопроизводства с участием женщин только для подчёркивания «патриархального характера» русского общества¹⁵.

При изучении частной жизни в России XVII в. особое значение имеют источниковедческие особенности бытования и сохранности документации из церковных архивов. Материалы церковного суда, осуществлявшегося патриархом и архиереями, сохранились очень неравномерно. Утрачено судебное делопроизводство патриаршего Двора по духовным делам, а оно касалось всей Москвы и многих уездов страны¹⁶. Больше всего судных дел сохранилось в огромном, но рассредоточенном по разным собраниям и коллекциям архиве Вологодского архиерейского дома, справедливо выделенном Н.В. Башниным «на фоне других кафедр»¹⁷. Отдельные дела относятся к Новгородской, Сарской и Подонской епархиям, Муромскому дворовому приказу Рязанского

¹¹ *Levin E. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700. Ithaca; L., 1989; Левин И. Рождение ребёнка в допетровской России: церковное право и народные традиции // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 62–83; Бошковска Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб., 2014; Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., 2017.*

¹² *Kaiser D.H. Quotidian Orthodoxy: Domestic Life in Early Modern Russia // Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars and Beyond. University Park, 2003. P. 179–192.*

¹³ *Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси... С. 233.*

¹⁴ *Кивельсон В. Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII века. Бостон; СПб., 2020. С. 186.*

¹⁵ *Коллманн Н.Ш. Соединённые честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 127–130; Kollmann N.S. By Honor Bound. State and Society in Early Modern Russia. Ithaca; L., 1999.*

¹⁶ Представление об их характере даёт опись 16 дел и других документов, составленная в приказе Тайных дел для передачи в Патриарший приказ в 1683 г. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией (далее – РИБ). Т. 21. СПб., 1907. Стб. 522–528. См. также: *Николаевский П.Ф. Патриаршая область и русские епархии в XVII веке. СПб., 1888.*

¹⁷ Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище. Вып. I–XIII. Вологда, 1899–1917; *Башнин Н.В. Вологодский архиерейский дом Св. Софии в конце XIV – начале XVIII в.: власть и собственность. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2022. С. 21.*

митрополичьего дома¹⁸. Документацию судных приказов конца XVII в. можно найти в архивах епархий, созданных в 1682 г.: Холмогорской и Важской, Великоустюжской¹⁹, Воронежской²⁰. Духовных же дел XVII в., происходящих из архивов «старых» епархий — Ростово-Ярославской, Суздальской, Коломенской и Тверской — за раннее время, к сожалению, почти нет.

Дела Духовных приказов хранились и учитывались на местах не так тщательно, как документы имущественного порядка, поступившие в конце XVIII в. в Коллегию экономии. Поэтому материалы церковного суда скорее можно встретить не в отдельных фондах архиерейских домов, а в составе коллекций известных собирателей рукописей XIX в.: П.И. Щукина в Москве (хранится в ГИМ) и И.К. Зинченко в Санкт-Петербурге (собрание актов и грамот в ОР РНБ и в Архиве СПбИИ РАН). В этих и других коллекциях находится разнообразная документация, связанная с рассмотрением споров по поводу составления рядных записей и духовных грамот, а также с организацией суда и наказанием обвинённых в церковных преступлениях: челобитные по «духовным делам», доездные памяти о посылке детей боярских и домовых служителей для доставления в суд ответчиков, поручные записи по участникам судебного процесса, материалы сыска и повальных обысков, допросные речи и сами судные дела, архиерейские указы и переписка с воеводами о наказании провинившихся.

Понять обстоятельства частной жизни людей XVII в., возникавшие при вступлении в брак и разводах, помогают материалы церковного суда. Перечисляя «круг дел гражданских, по которым подлежали церковному суду православные христиане», Николай (Ярушевич) выделял «семейные дела», и, в первую очередь, «дела брачные»: «сюда относятся дела по заключению браков, о незаконных браках, о самовольном расторжении брака, о разводе, поводах к нему и последствиях»²¹. Неслучайно расследования нарушений в брачно-семейных отношениях составляли значительную часть дел церковного судопроизводства.

Общие церковные нормы, отражённые в Стоглаве 1551 г., определяли брачный возраст (у «отроков» он был установлен в 15 лет, у «отроковиц» — в 12 лет), правила обручения и венчания²². В источниках различается венчание и «мо-

¹⁸ Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914. С. 130–189; Соловьёв Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 4 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1909. Кн. 1. С. 51–116; Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. С. 194–197, 201–203, 205–209, 212–216.

¹⁹ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260, оп. 3; Акты Холмогорской и Устюжской епархий. 1500–1699. Ч. 1–3 // РИБ. Т. 12. СПб., 1891; Т. 14. СПб., 1897; Т. 25. СПб., 1908; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 62, 64–65.

²⁰ Трунов М.П. «Духовное дело» по челобитью св. Митрофана на подьячего землянской приказной избы Любима Мещерякова 1695 г. // Воронежская старина. Вып. 6. Воронеж, 1907. С. 23–35; Комолова Э.В. Воронежская епархия в конце XVII–XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Воронеж, 2007.

²¹ Кроме перечисленных дел, Николай (Ярушевич) упоминает «спору между супругами об имуществе, дела союза родителей и детей, опека и попечительство, дела наследственные» (Николай (Ярушевич), иером. Указ. соч. С. 198).

²² Стоглав... С. 87. Сюжет о заключении браков в Московской Руси хорошо разработан в литературе (Бошкова Н. Мир русской женщины... С. 20–67; Мартин Р.Э. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков. М., 2023; Пушкарёва Н.Л. Женщины в Древней Руси... С. 252–277).

литование» для тех, кто вступал во второй и третий брак, четвёртый и последующие браки не только не допускались, но и преследовались. Существовали свои особенности в «свадебном чине», отделявшие первый брак от последующих: «А в венчании на жениха вдовца, которой женится другою женою на девице, полагается венец церковной на правое плечо, а на невесте девице церковный венец бывает на главе», при третьем браке венец жениха «полагался» на левое плечо. Такие же правила применялись и к вдовам, выходявшим замуж второй и третий раз. Когда оба будущих супруга были вдовцами, как писал Г. Котошихин, «им венчания не бывает, а бывает молитва вместо венчания; и свадебной чин бывает у них не против такого обычая, как у холостых людей»²³.

При оформлении брака выдавались «венечные памяти», а за совершение церковного обряда уплачивалась пошлина в архиерейскую казну или в соборы, имевшие право на получение денег от венчания²⁴. Этот малоизвестный вид источников относился к ведению церковного делопроизводства, при составлении «венечных памятей» была задействована хорошо выстроенная система. В выдаче разрешений на вступление в брак и сборе пошлин в архиерейскую казну участвовали десятильники (светские чиновники), поповские старосты и поповские заказчики, представлявшие на местах интересы патриаршего и архиерейского управления. Особая роль отводилась приходским священникам, обязанным вести учёт венчаний в своих приходах и отчитываться перед архиереями, что они не «утоили хотя единую свадьбу»²⁵. Сведения о свадьбах дополнительно фиксировались в «венечных книгах» архиерейских приказов. Сбор венечных пошлин, как показывают документы из «свитков» Вологодского архиерейского дома, продолжался даже в самые тяжёлые годы Смутного времени (1611–1613). Правда, в начале царствования Михаила Фёдоровича их пришлось собирать сразу за несколько лет, сверяясь с прежними отписями: «за первобрачных по алтыну», «за двоебрачных... с свадьбы по два алтын», «троеженцов за свадьбу по четыре алтына»²⁶.

Иногда встречаются небольшие «архивы» приходских священников, собиравших распоряжения поповских старост о венчаниях. В фонде Устюжского архиерейского дома в РГАДА сохранилось дело с памятями о венчаниях, относящимися к 1690–1691 гг.: «198 [1690] году января 5. Память от заказного поповского старосты Устюженского пречистенского попа Гарасима Юрьева Наволока николаевскому попу Спиридону. Как к тебе с сею памятию придет нашего приходу христианин отрок Иван Кирилов венчатися первым браком с девкою Марфою Давыдовою дочерью, и тебе б их опрошать накрепко, чтоб ни в роду, ни в племяни, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве без всякого порока. А опрошав их и венчать по новоисправленным печатным книгам. Архиерейские пошлины взяты все сполна. Память писал поп Га-

²³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 179–180.

²⁴ Перов И. Указ. соч. С. 92–93; Kaiser D.H. Church Control over Marriage in Seventeenth-Century Russia // The Russian Review. 2006. № 65. P. 569–574.

²⁵ Соловьёв Н.А. Указ. соч. С. 113; Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 27–30; Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. О предыстории метрического учёта в России (XVII – первая половина XVIII в.) // Российская история. 2019. № 1. С. 86–102; Kaiser D.H. Church Control... P. 574–581.

²⁶ Описание собрания свитков... Вып. XIII. Вологда, 1917. С. 1. Размеры пошлин могли варьироваться, к концу XVII в. в Вологодской епархии они составляли 20, 40 и 60 коп. за первый, второй и третий брак соответственно; в казённые книги записывалась половина этих сумм (Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. О предыстории метрического учёта... С. 96).

расим своею рукою»²⁷. Формула о распросе «чтоб ни в роду, ни в племяни, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве, без всякого порока» была включена ещё в Стоглав и присутствует в каждой венечной памяти, подчёркивая главную обязанность приходских священников следить за «правильностью» брака²⁸. Котошихин также упоминал о получении священниками «от патриарха и от властей письма за печатью» и необходимости убедиться перед венчанием, «чтоб с невестою жених были не в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве, и не шестаго и не седмаго колена в свойстве, и не четвертые жены муж, и не четвертаго мужа жена»²⁹. При разборе подобных дел, нарушавших принятый порядок, в церковных судах можно встретить целые «исследования» как дворянских («сродству роспись»), так и крестьянских генеалогий («женихово родство» и «невестино родство»)³⁰.

Свадьбе предшествовал «сговор», подтверждавший намерения вступления в брак жениха и невесты. С этой целью составлялись рядные («сговорные») записи с росписью приданого, во множестве сохранившиеся в частных архивах дворян и детей боярских. С петровского времени эти документы записывались в книги крепостных контор³¹. В рядных записях обычно фиксировались условия уплаты неустойки («по умолчанию» в 100 руб.), хотя иногда в боярских семьях штрафы могли быть значительно больше³². Известен случай в семье князей Мезецких, когда бабушка, уступая внучке, не соглашавшейся выходить замуж, была вынуждена продать вотчины «для ее слез», чтобы уплатить «заряд»³³. Когда происходил отказ от обязательств, обманутые в ожиданиях несостоявшиеся супруги обращались с челобитными в церковный суд к патриарху и архиереям. В отдельных случаях дело могло дойти до рассмотрения царём и Боярской думой. В архиве Тайного приказа хранилось одно из таких судебных дел 1667/68 г., связанное с обманом галичанина Емельяна Корина, которого Яков Никитин сын Кольчев женил на «дворовой своей девке» вместо дочери. По «государеву указу» и боярскому приговору условия рядной записи о свадьбе и приданом были исполнены, и Емельяну Корину отдали его настоящую жену. Ответчику пришлось заплатить штраф «за безчестье» в 100 руб.³⁴ В свете этого дела становятся понятнее слова Котошихина, рассказывавшего о подобных случаях «подмены» невест ещё во время смотрин: «Нигде такова на девки обманства нет, яко в Московском государстве»³⁵.

²⁷ РГАДА, ф. 1206, оп. 1, д. 865, л. 1.

²⁸ Ср. список с венечной («знаменной») памяти, составленной в Вологодском уезде в 1639 г., и памяти поповских старост о венчании браков 1662 и 1677 гг., извлечённые И.Ф. Перовым из рукописей Рязанской духовной семинарии (Описание собрания свитков... Вып. XIII. С. 23; *Перов И.* Указ. соч. С. 205–206).

²⁹ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 179.

³⁰ ОПИ ГИМ, ф. 226, оп. 1, д. 30, л. 5–6; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Шукина. Ч. 5. М., 1899. С. 52; *Соловьёв Н.А.* Указ. соч. С. 95–96; *Kaiser D.H.* Church Control... P. 581–584.

³¹ Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015; Духовные завещания, брачные договоры, документы о родственном разделе имущества (частноправовые акты Твери первой четверти XVIII века) / Сост. А.В. Матисон. М., 2022.

³² *Kaiser D.H.* Default and Deception in Muscovite weddings // От Древней Руси к России Нового времени. Сборник статей. К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 432–437.

³³ *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 14.

³⁴ РИБ. Т. 21. Стб. 527.

³⁵ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 183.

Меньше известно об условиях сговора посадских людей и крестьян, споры по этому поводу тоже решались в духовных приказах. В октябре 1692 г. в Кашине посадская вдова била челом тверскому и кашинскому архиепископу Сергию на посадского человека Данилу Иванова сына Маланьина, отказавшегося на ней жениться. До этого Данила, по словам челобитчицы, присылал к ней сватов, а после сватовства, когда они вместе были на свадьбе у ещё одного кашинца, состоялся окончательный уговор об их собственной свадьбе: «Он, Данило, со мной по рукам бил, и целовались, что ему мимо меня не женится, а мне мимо ево, Данила, замуж не идти». После этого у них «руки разнимали», а Данила, как говорила вдова Анна Сидорова, «был со мною у матери моей и образ Спасов дал порукою при добрых же людех и при сродцех, и плат в шапку у меня взял». За сговором последовали совместные приготовления к свадьбе, а сам Данила, как жаловалась челобитчица, даже оставался вместе с нею в доме у её матери: «а пиво варил, и деньги на свадебные припасы у меня, сироты, имал, и в доме у матери моей начевал две ночи, и спал со мною на одной постеле». Однако Данила Маланьин отказался от своих обязательств: «Он, Данило, меня, сироту, осмеял и жениться на мне, сироте, он, Данило, не хочет»³⁶. Поэтому посадской вдове Анне Сидоровой и пришлось бить челом, чтобы её дело рассмотрели в Кашине перед заказчиком духовных дел игуменом кашинского Николаевского Клобукова монастыря Матфеем.

Встречаются и противоположные случаи отказа женихам после обручения. 8 февраля 1700 г. крестьянин Ратмировской волости Усольского уезда Иван Старостинных в челобитной на имя патриарха Адриана писал, что недавно у него состоялся сговор о женитьбе на девице Елене — дочери священника Сидора, после чего тот отказался выдавать свою дочь замуж: «И в том меж собою перед Спасителевым образом образовались и перстням он, поп Исидор, разменявал, и целование было, и за столом сидели, и дарам дарили». Подтверждением сговора стали начавшиеся приготовления к свадьбе, стоившие челобитчику 8 руб., и получение о. Сидором «венчальной памяти». Однако в день предполагаемой свадьбы, когда жених приехал с тысяцкими и поезжанами к дому невесты, священник отказался их пускать в дом и выгнал с бранью и боем плетью. Челобитчик просил разобрать дело в Устюге «в архиерейском разряде», где о. Сидор откровенно объяснил причины своего отказа: «А дочери своей ему в жену не отдал для того, что он, челобитчик, человек небогатой и ему, попу, не поглянулся»³⁷. Все закончилось примирением сторон, издержки взял на себя священник, но крестьянину отказали в женитьбе на поповне.

Дела о разных нарушениях при заключении брака в святительском суде чаще всего касались счёта браков и выяснения наличия родства, свойства или кумовства между вступающими в брак. В 1665 г. архиепископский дворник г. Козлова донёс на козловского сына боярского Василия Ефанова, что тот вступил во второй брак, а его жена «седмым браком». При расспросе в архиерейском приказе в Рязани Василий Ефанов говорил, «что она ему второй брак, а он ей, Василей, третьей брак». Потребовался дополнительный «повальный обыск», в котором участвовали 60 козловских казаков, подтвердивших лишь повторный брак Василия Ефанова: «То оне ведают, что ему, Василью, жена ево Евлампиица втарый брак, а он ей кой брак, и оне того не ведают». Для оконча-

³⁶ ОР РНБ, ф. 532, оп. 1, д. 3731, л. 1.

³⁷ Там же, ф. 299, оп. 1, д. 1605, л. 1–5.

тельного решения дела рязанский и муромский архиепископ Иларион приказал «свидетельствовать» их «отцем духовным»: «И будет по свидетельству скажут, что не четвертой ей брак и не седмой, и им велети жить по-прежнему»³⁸.

При выявлении достоверных сведений о вступлении в четвёртый брак супруги разводились, им запрещалось далее жить вместе, применялось и церковное наказание — отправка «под начал» в монастырь. Одно из подобных дел 1687 г. сохранилось в архиве Сарской и Подонской митрополии. Оно началось с извета покровского священника Тимофея на ямщика Григория Пиминова, женившегося вторым браком, «а понял де вдову болховского солдата жену Наташку без твоего архиерейского указа, и без венечные памяти, и без пошлин, а он де, поп Тимофей, ево, Гришка, не венчал, ведая про то, что он, Гришка, ей, вдове Наташке, будет четвертой муж». Выяснилось, что для того, чтобы обойти запреты, болховский ямщик нашёл «сговорчивого» священника из другого прихода, сделавшего вид, что все необходимые условности соблюдены, а архиерейские пошлины уплачены (фактически присвоены священником). По рассмотрении дела приняли решение об их разводе и наказании за нарушение брачных правил: «195-го июня в 5 день послать грамота к старосте про жену Гришкину Наташку, розыскать, и по сыску, буде ему четвертая жена, и их по святым правилом розвесть, и взять по них поручные записи, что отнюдь не сходиться, а жонка Наташка отдать в девич монастырь под начал да указу»³⁹. Священника, совершившего обряд венчания или молитвования людей из другого прихода без рассмотрения обстоятельств их прежней семейной жизни, степени родства и кумовства, ждало церковное наказание от архиерея.

Одними из главных дел церковного суда являлись «ропусы» — разводы супругов⁴⁰. Обстоятельства, служившие в XVI—XVIII вв. основанием для развода и признания брака недействительным, рассматривались в историко-юридическом исследовании М.К. Цатуровой, использовавшей преимущественно материал XVIII в., поскольку, по её словам, «разводная практика XVI, XVII вв. почти не сохранилась. Архивы церковного суда не уцелели»⁴¹. Тем не менее подобные документы есть, и они показывают, что основными причинами стремления супругов к разводу были супружеская неверность и побег, семейное насилие и уход в монастырь.

К одним из первых духовных дел в церковном праве относится преследование «прелюбодейства» (внебрачных связей мужей и жён)⁴². После «смильного заставания», как определялся этот вид церковных преступлений в Уставе князя Владимира Святославича, участников дела подвергали не только церковным, но и светским наказаниям «по градским законам». В XVII в. это была уже не только отсылка к каноническим правилам Кормчей книги, но и к участию воеводской власти, осуществлявшей физическую «казнь» (битьё батогами и кнутом). Дела подобного рода о «недобрых свадьбах» в сохранившихся источниках

³⁸ Государственный архив Рязанской области (далее — ГА РО), Библиотека, д. 13115, л. 39.

³⁹ РГАДА, ф. 1443, оп. 2, д. 41, л. 1 об.

⁴⁰ *Способин А.И.* О разводе в России. М., 1881; *Суворов Н.С.* Разбор сочинения г. Загоровского «О разводе по русскому праву. Харьков, 1884». СПб., 1888.

⁴¹ *Цатурова М.К.* Три века русского развода. М., 2011. С. 15.

⁴² *Абрашкевич М.М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: историко-догматическое исследование // Записки Императорского Новороссийского университета. 1904. Т. 96. Ч. 2. С. 504–509; *Каменский А.Б.* Любовь, страсть и отчаяние — русские преступления XVIII века. СПб., 2022.

достаточно редки⁴³, гораздо чаще встречаются челобитные и документы, связанные с изменами и оставлением супругами друг друга. В архиве Вологодского Софийского архиерейского дома хранится несколько челобитных о разводе на имя вологодского и белозерского архиепископа Симона, управлявшего епархией в 1664–1684 гг. Подавались они жителями вологодского посада, называвшими себя в этих обращениях «государевыми сиротами» и «твоими святительскими».

Вологодский бобыль Михаил Никонов бил челом архиепископу Симону с просьбой, чтобы его, «по святых отец правилом и по градским законам», развели с женою Федорою: «Свой святительской милостивой указ и роспуск учинить, чтоб ныне и впредь я б, сирота, ей не муж, а она мне не жена». По словам челобитчика, его «жена плурует, чюжеложество чинит». В подтверждение своих слов он дополнительно ссылался на уличение жены в прелюбодеянии: «И в приводех на Вологде дважды, а в Нижном в третие была», за что и наказана кнутом⁴⁴. Вологжанин Лазарь Артемьев Коновалов также просил дать «с женою обоим прост, чтобы я ей впредь не муж, а она мне не жена», т.е. сделать свободными друг от друга и развести. По словам челобитчика, причиной стала не только измена, но и угрозы жены в убийстве: «Та моя жена Пестелинья ворует с мужиками четвертой год, а со мною она законом не живет, отбегает от меня прочь, живет неведомо где, а на меня она накупает тех людей, с коими она ворует». В подтверждение своих слов он ссылался на такие нападения, когда его «дубьем бивали и ножом не в одну пору резали». На обороте челобитной осталась помета о рассмотрении дела: «Сыскать и учинить по правилам»⁴⁵.

Наиболее распространены были дела о безвестном отсутствии супругов, следствием чего чаще всего становился новый брак⁴⁶. Причины длительной отлучки и пропажи людей могло быть множество: побег, служба, плен, несчастные случаи и убийства. Традиционная тема крестьянских побегов в России XVII в. может рассматриваться и в личном измерении. Иногда безвестным отсутствием мужей в своих интересах пользовались помещики, «увозя» холопок у других владельцев, чтобы выдать замуж за своих крестьян. Как говорил при разборе такого дела один из ответчиков, «жонка ему будет крепка по муже»⁴⁷. Существовал известный срок ожидания «вестей» о пропавшем человеке, который составлял не менее трёх, а чаще — пяти-семи лет. Впрочем, это всего лишь «средние значения», так как признание прошлого брака недействительным каждый раз зависело от личных обстоятельств челобитчиков. Разбирательство в архиерейском Судном приказе имело дополнительный смысл, связанный с выдачей разрешения на вступление в другой брак.

Приведу примеры таких дел, связанных с подачей челобитных о разрешении на повторный брак. Вологодский крестьянин Семейка Фёдоров из вотчины окольничего Василия Ивановича Стрешнева в челобитной архиепископу Варлааму, составленной не ранее 1636 г., писал о «безвестно» ушедшей жене:

⁴³ Дело о вологжанине посадском человеке, обвиняемом в прелюбодеянии, 1660 года // Сборник старинных бумаг... Ч. 2. М., 1897. С. 63–68. Подлинник дела см.: ОПИ ГИМ, ф. 226, оп. 1, д. 28, л. 15–28.

⁴⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 2597, л. 1.

⁴⁵ Там же, д. 6452, л. 1–1 об.

⁴⁶ *Kaiser D.H.* «Whose Wife Will She Be at the Resurrection?» Marriage and Remarriage in Early Modern Russia // *Slavic Review*. Vol. 62. 2003. № 2. P. 302–323.

⁴⁷ ОР РГБ, ф. 29, д. 108/2, л. 51; *Muravyeva M.* Abduction of Women in Early Modern Russia: Modernizing the Empire // *Russian History*. 2016. № 43(3–4). P. 352–353.

«И я ее проводывал по три годы и по сякову пору проведати не мог»⁴⁸. В Записных книгах Судного приказа Рязанского архиерейского дома 1665–1669 гг. встречаются упоминания о нескольких челобитных, где срок неизвестного отсутствия супругов назывался в четыре года и в семь-восемь лет. Важно было показать, что всё это время поиски пропавшего человека продолжались, но не дали результата. Челобитчиками могли выступать не только мужья и жёны, но и их родители. В 1668 г. казак Романовской слободы Лебедянского уезда Фотий Бехтин просил разрешения о вступлении в новый брак для его сына: «В прошлом де во 169-м году сына ево, Фатюшкина, Макейкина жена Грикерищица побежала и пропала безвестно, и от того де числа и по се время искали они ее, Грикерищицу, по многим городам и селам, и ее не нашли, а сын де ево, Макейка, во младых летех, прожить ему без жены невозможно»⁴⁹.

Когда речь шла о пропавших на службе «воинах», согласно каноническим правилам и нормам Кормчей книги срок ожидания увеличивался до десяти и более лет. 28 октября 1666 г. рязанская крестьянка Федосьица (в челобитной названа вдовой) просила о выдаче ей венечной памяти для вступления в новый брак: «В прошлых де годех тому десятой год муж ея Агафонник пошел на государеву службу и пропал он безвестно, и чтоб ей пойтить замуж за иного»⁵⁰. Если кто-то из служилых и даточных людей надолго попадал в плен во время государевой службы, за ним оставалось право вернуться в прежнюю семью, даже если его жена повторно вышла замуж и родила детей. Несколько случаев с участием служилых людей юга России и донских казаков разобраны в исследовании Д.А. Ляпина, охарактеризовавшего «хаос», который вносил «в семейные отношения пресловутый татарский плен». По словам исследователя, «попадая в неволю, женщина почти никогда не возвращалась домой... в отличие от мужчины, неожиданно объявлявшегося через несколько лет»⁵¹.

Разрешить жизненные драмы людей, приходивших после долгого отсутствия со службы или из плена, можно было (но не всегда получалось) путём личных договорённостей с прежними жёнами. Рассматривались и спорные дела о выплате имущественных компенсаций при отказе от подачи челобитной о признании недействительными новых браков. Иногда пленным уже не было смысла возвращаться в прежнюю семью. Когда козловский сын боярский Василий Иванов сын Лакин, попавший в плен на службе с боярином Василием Борисовичем Шереметевым (после Чудновской битвы 1660 г.), семь лет спустя вернулся домой, то в новом браке у его жены уже родились четверо детей. Поэтому он просил только о выдаче ему разрешения на вступление в другой брак. Драгун села Никольского Сокольского уезда Киприан Ермолов сын Сбитнев пробыл в турецком плену 22 года. В челобитной рязанскому митрополиту Илариону он писал, что «турченин де женил ево поневоли на мурруской жонке Пелагеице». В 1667 г. пленников отпустили на волю, и Киприан Сбитнев, «помня православную веру, вышел с нею на Русь». Его первая жена к тому времени давно вышла замуж, поэтому митрополит Иларион распорядился расспросить: «Та с ним жена ис полону вышла ль, и дети с нею есть ли»,

⁴⁸ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 221, л. 1; *Kaiser D.H.* «Whose Wife Will She Be at the Resurrection?»... P. 310–315.

⁴⁹ ГА РО, Библиотека, д. 13115, № 400, л. 407.

⁵⁰ Там же, № 178, л. 186 об., 310, 396, 400.

⁵¹ *Ляпин Д.А.* На окраине царства: повседневная жизнь Юга России в XVII веке. СПб., 2020. С. 244.

после чего узаконить брак выходцев из турецкого плена: «дати венечное знамя» и «молитвить беспенно»⁵².

Оставление супругов друг другом являлось одной из форм «развода», добиться которого без достаточных оснований, соответствовавших церковным правилам, было трудно. Решаясь на перемену жизни, муж или жена уезжали, пускались в бега и уже на новом месте могли вступить в новый брак. При этом прежний брак оставался законным, пока не оглашался архиерейский указ об его отмене. При необходимости сыск «двоеженцев» выходил за рамки одной епархии, как это случилось с делом чернского подьячего Ивана Меньшого Красильникова, который «покиня первобрачную жену свою на Черни, и женился на Воронеже от живой жены». В грамоте воронежского епископа Митрофана 26 февраля 1693 г., отправленной митрополиту Сарскому и Подонскому Евфимию, говорилось о принятых мерах и допросе «через ево, Ивашковых, свойственников и землянцев, которые с Черни сходцы». Епископ Митрофан просил о розыске и присылке в Воронеж «на обличение» первой жены и дочери подьячего «для того, что он, Ивашко, в том запирается». Незаконный брак прекратили, а подьячего посадили под стражу: «А с котою женою он, Ивашко, женился на Воронеже, разведен, и, покамест от тебя, великаго святителя, к нашему смирению ведомо будет, отдан он, Ивашко, за крепкой караул»⁵³.

Как формально незавершённые браки могли влиять на жизнь людей, можно видеть из дела по челобитью вдовы Гликерьи Ивановой дочери на приказчика Алексея Афанасьева сына Турчанинова (служил у гостя Василия Грудцына), разбиравшегося в Устюжском архиерейском разряде 13–15 января 1696 г.⁵⁴ Суть иска вдовы (она так себя называла, пока не выяснились другие обстоятельства дела) Гликерьи на приказчика Турчанинова связана с распространёнными делами церковного суда «в блудном деле и прижитии младенца». По челобитной Гликерьи Ивановой, живя «бобылицей» в Пускинском усолье, она пострадала от действий приказного человека, продавшего её двор и забравшего деньги себе. Кроме того, вдова обвиняла приказчика Алексея Турчанинова в изнасиловании, «прижитии» младенца и, одновременно... в отказе жениться на ней: «Да он же, Алексей, в том усолье живучи, наступал на меня по многие времена силно блудным делом и изнасилывничал, и после ево насильства жила с ним блудно и прижила во утробе с ним младенца. И обещался он, Алексей, меня, сироту, того ради за себя понять в законное супружество, и знаменял образ Николая Чюдотворца, и взял тот образ к себе. И ныне меня, сироту, он, Алексей, в законное супружество меня не емлет». В качестве доказательств его намерений вдова Гликерья предлагала посмотреть на имевшиеся у неё ответные грамотки «от него, Алексея, ево руки», добавляя: «и пишет почасту». Она просила заставить его «со мною, сиротую, договоритца, чтоб мне, сироте, овсе

⁵² Бусарев И.А., Козляков В.Н., Севастьянова А.А. «А он де ныне не жанат, а прожити де ему не жанатому нельзя...»: новые документы по истории частной жизни в России второй половины XVII века // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 1(70). С. 4–5.

⁵³ Соловьёв Н.А. Указ. соч. С. 107–108.

⁵⁴ Подробнее об одном из самых богатых купцов Русского Севера госте Василии Грудцыне см.: Тимошина Л.А. Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII в. // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 134–153.

не попуститца», подчёркивая, что только он мог быть отцом её ребёнка: «апроч ево в том блудном деле не знаю и не ведаю»⁵⁵.

Дело оказалось совсем не таким однозначным, как можно представить по одной челобитной вдовы. Из материалов церковного суда выясняется целая история жизни «Лукирьи Ивановны дочери Калашницы» — так называл её в своих грамотках обвинённый ею Алексей Турчанинов. Оказалось, что перед встречей с приказчиком Турчаниновым она бежала от своего мужа бобыля Ивана Родионова Шестаковых из Черевковской волости Устюжского уезда. Покинутый ею бобыль, оказавшись в Устюге «для челобитья на должников», узнал от тёщи, что его беглая жена Гликерьяца «сидит за караулом». 14 января 1696 г. он дал показания «в архиерейском разряде», где рассказал, что женился на Гликерье Ивановой дочери «вторым браком в прошлом 201-м году после Петрова дни» (т.е. после 29 июня 1693 г.). Брак, по его словам, оформили по правилам, «венечную память давал той Черевковской волости заказной успенской поп Герасим, а венчал той же церкви бывшей поп Михайло». Однако уже 23 сентября 1693 г. его жена убежала от него, забрав с собою 4 руб. денег, сукно и украшение («лапы серебряные золоченые»).

Бобыль Иван Родионов отказался бить челом архиерейскому о возвращении супруги: «чтоб ее взять по прежнему к себе за ее воровство, не челобитчик». И на то оказались свои причины, выяснившиеся из расспросных речей Гликерьи Ивановой. Она говорила, что её брак с бобылём Иваном Родионовым заключён с нарушениями, когда она была у своего дяди в гостях и «по зговору за Ивашка Родионова вышла она замуж пьянским делом». Несмотря на венечную память (заказной поп Герасим получил за неё с бобыля Ивана Родионова 2 руб. и «четверть ведра вина»), брак не мог считаться действительным: «только де ему, Ивашку, с нею, Гликерьяцею, будет четвертой брак, а Гликерьяце второй»⁵⁶. Однако даже в таких обстоятельствах требовалось оспорить брак в архиерейском суде.

Интерес представляют и письма, приобретённые к делу по настоянию самой вдовы Гликерьи Ивановой (показательно, что они могли считаться доказательством в церковном судопроизводстве). Из них выяснялось, что остальные члены семьи по-разному смотрели на предполагавшийся брак вдовы (вдовый статус был у неё после первого брака) с приказчиком Алексеем Турчаниновым, служившим у богатого купца. Оказывается, мать челобитчицы вдова Ирина противилась вступлению дочери в новый брак, в то время как сын, напротив, поддерживал Гликерию Иванову в стремлении выйти замуж за «своево друга Алексея Афанасьевича». В письме сына Владимира, работавшего по найму сидельцем в лавке в Тобольске, отправленном в Устюг «бывшево мужа жене Василья Кирилова Парюхина матушке моей государине Лукерье Ивановне», он просил мать «не оставить» Алексея Турчанинова и хвалил доброту к нему приказчика: «а мне он был паче брата родителя». Сын знал о стремлении Гликерьи Ивановой снова выйти замуж и просил не разрываться с приказчиком Турчаниновым, даже если их «законный брак» не состоится, «чтобы нам было на ково надежду иметь». «Много мне было от вас и в затор, и я на сердце у себя осужал, да терпел, что вы ни чюдили с ним», признавался Владимир Парюхин в письме к матери. Он просил мать жить «в любви и в совете» с Турчанино-

⁵⁵ ОР РНБ, ф. 299, оп. 1, д. 1415, л. 1.

⁵⁶ Там же, л. 5–6.

вым: «И я к вам буду и не покину тебя, матушки, при старости твоей, буду кормилец тебе». Сын просил не слушать «бабушки моей Орины Кирилловны, а своей матушки»: «И не здавайся на ее речи, и со Алексеем Офанасьевичем ни в чем не остужайся»⁵⁷. Окончания дела вдовы калашницы Гликерьи Ивановой в архиве не сохранилось.

Иногда продолжению брака препятствовала невозможность исполнения супружеских обязанностей. В этом случае каждый супруг или даже их родители могли подать челобитную о разводе в архиерейский Судный приказ. При этом отсутствие детей не могло становиться причиной развода супругов, даже если они соглашались на разлучение. В «церковно-судебных определениях» митрополита Киприана, находившегося на Новгородской кафедре в 1626–1634 гг. сказано: «А что у мужа с женою детей нет долго лет, и за то собою распущаютьца по любви, и таких за тем нелзе распущати, жити им вкупе и до смерти»⁵⁸. Сопутствующими причинами для развода по причине неисполнения супругами своих обязанностей могли считаться только душевные и физические болезни, препятствовавшие ведению хозяйства.

25 ноября 1653 г. с челобитной к вологодскому архиепископу Маркеллу обратилась вдова Анна Осипова с челобитной на своего зятя дьячка Кузьму Корнилова. По словам челобитчицы, «выдала есми за него дочь свою Пелагию, по шестому году исходу естественна нет с ним, а биет ея и мучит». Мать ссылалась, что её дочь умеет вести хозяйство, и, следовательно, никакой её вины и препятствий к вступлению в новый брак нет: «А она умеет ткать, и прещть, и хлеб печи, и зшить»⁵⁹. Судьи архиерейского приказа прежде всего поставили к расспросу дьячка Кузьму Корнилова, пытавшего оспорить челобитную ссылкой на то, что сначала у него с женой «законное ложе» было, а потом «до полупята года» (т.е. четыре с половиной года) — нет. Жена дьячка, напротив, подтверждала всё сказанное её матерью в челобитной и объясняла, что из-за своего стыда не могла рассказать о том духовному отцу.

Столкнувшись с противоречиями в показаниях мужа и жены, судьи назначили комиссию из поповского старосты и десятского, чтобы досмотреть «срамных уд» у дьячка. Дополнительно по указу архиепископа Маркелла сделали выписку «из правил»: «В книгах новых заповедей в 41 главе от различных рекше гране Иустиниана царя новых заповедей, главы по избранию различных, от первые грани главы 9 написано “аще муж в три лета не возможет быти з женою, разрешить брак”»⁶⁰. Это редкое свидетельство прямых отсылок к новеллам Юстиниана, известным из Кормчих. Хотя аналогичное правило о «трех летах» содержалось в печатной Кормчей 1653 г., для выписки «из правил» использовалась какая-то рукопись Кормчей⁶¹. В итоге архиепископ Маркелл приказал «женку Пелагейку с мужем ее с дьячком Кузькою Корниловым розвести». Вы-

⁵⁷ Там же, л. 4.

⁵⁸ Церковно-судебные определения Киприана, митрополита Новгородского // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1861. Ч. 3. С. 346.

⁵⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 1156, л. 1.

⁶⁰ Там же, л. 3.

⁶¹ Текст 50-й главы (грань 9 «О распущении же») в печатном издании Кормчей отличается от выписки, сделанной в вологодском архиерейском Судном приказе по какому-то рукописному списку Кормчей, где встречается правило о «трех летах»: «Тако де разлучается и жена от мужа сея ради вины: аще муж не возможет за три лета от времени брачного совокупления, к своей примеситися жене» (Кормчая. М., 1653. С. 502).

яснилось, что дьячку, по его словам, было всего 19 лет, поэтому архиепископ и обвинил Кузьму Корнилова в том, что он «солгал», так как «преж те молодые года, чаяти, нельзе было законной ложе быти»⁶².

Причинами разводов и признания брака недействительным становились также болезни или недееспособность одного из супругов. 9 октября 1668 г. козловский сын боярский Филипп Чёрный бил челом рязанскому и муромскому архиепископу Илариону, ссылаясь на душевную болезнь жены: «И та де жена ево Поросковьяца волею Божию одержима недугом, беснуется, ума отбив, бегаёт и на людей бросается и давит, и в церкви Божии, не отслушав пения, ис церкви бегаёт. А детей де у него с нею нет и не была. Чтoб великий господин пожаловал, велел ему женитися на иной жене». Одного челобитья для решения по делу было недостаточно, поэтому священнику Никольской церкви села Ламки Василию велели провести повальный обыск («сыскати тем селом Ламкою и окрестными селы и деревни всяких чинов людьми») и «допросить отца и матери ея»⁶³.

Развод из-за болезни одного из супругов часто подразумевал уход в монастырь. Церковные власти следили, чтобы не было никакого принуждения к монашескому постригу. В случае добровольного поступления в монастырь супруги не теряли связи друг с другом, что отражалось даже в языке, они назывались «посестрие» и «побратим». Постригу предшествовал договор о содержании ушедшего в монастырь супруга, а церковный суд рассматривал споры в случае неисполнения таких условий. В октябре 1638 г. в вологодском архиерейском Судном приказе рассматривалось дело по челобитной старицы Евфросиньи на бывшего мужа, крестьянина села Дюдиковой пустыни Николо-Угрешского монастыря «сапожного мастера» Тихона Иванова. Она жаловалась, что постриглась в монастырь не по своей воле, а обязательства по её содержанию не выполняются. На очной ставке в приказе Тихон Иванов говорил, что его бывшая жена «старица Ефросинья постриглась своим произволом, а не от моей наложи» и ссылался на её «немошь»: «Что де она не могла и хлебов печь, как была за мною, сам де я и хлебы пек». Старица Ефросинья отвела это обвинение ссылкой на то, что ей не давали это делать: «Потому де я за ним будучи хлебов не пекла, что мать ево и он, Тихон, хлебов печь не давали».

Главным образом челобитчица оспаривала «нарядную запись», отказываясь признавать свой добровольный уход в монастырь и даже подписать на записи с условиями пострига (вместо неё расписался духовный отец). Архиепископ Варлаам на суде 18 января 1639 г. признал её правоту и обвинил её бывшего мужа, указав ему выплачивать «погодный корм» «посестрию своему старице Ефросинье на всякой год». Как сказано в указе архиепископа Варлаама, «знатно ж, что такова отпись писана нарядом не площадными подьячими». Штраф надлежало заплатить и духовнику, приложившему руку к документу, «не доложя государя архиепископа»⁶⁴.

Причины ухода в монастырь часто были связаны с семейным насилием. М.Г. Муравьева, изучавшая судебные дела конца XVII – XVIII вв., выделила следующие виды супружеского насилия: «побои и увечья (“бьет и увечит” обычная формула иска), изоляция и ограничение свободы, отказ в содержании

⁶² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 1156, л. 3; Описание собрания свитков... Вып. X. Вологда, 1909. С. 29–30; *Kaiser D.H.* «Whose Wife Will She Be at the Resurrection?»... P. 317.

⁶³ ГА РО, Библиотека, д. 13115, л. 532.

⁶⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 269, л. 1–7.

(“не поит и не кормит”), изгнание из дома (“со двора сбил”), принуждение к разводу (включая насильное пострижение и саморазвод) и сексуальное насилие»⁶⁵. Архиерейский суд защищал жён, пострадавших от насилия супругов и вынужденно ушедших в монастырь. Одно из подобных дел разбиралось патриархом Иосифом 29 августа 1642 г. В нижегородский Печерский монастырь (Нижний Новгород в то время относился к патриаршей вотчине) прислали грамоту по делу посадского человека Гаврилы Александрова сына Путилова. Патриарх распорядился допросить его и устроить сыск после жалобы посадского человека Балахны Ерофея Иванова, чья дочь Татьяна была замужем за Гаврилой Путиловым. По словам челобитчика, «и живучи с тою дочерью его, ее бил и увечил розными муками на смерть, и всякое позорство и безчинство над нею чинил, и поругался над нею всячески, и хотел де дочери его губы и нос обрезать и вкинуть в Волгу, и голодом морил». Брак продолжался восемь лет, после чего «зять его Гаврилко, тое его дочь, а свою первовенчалную жену, постриг силно беременну, и она де в черницах и родила». Чтобы отправленная в монастырь жена или тесть не оспаривали этого решения, у Татьяны Ерофеевой была «вымучена» «запись во сте рублех» под обещание «дочь его поить и кормить». Но Гаврила Путилов не исполнил обещаний, завладел приданым первой жены и, «как ее постриг, неделю спустя на другой женился жене». Для патриаршего суда суть дела была очевидной, там распорядились обязать Гаврилу Путилова, выполнить всё, что положено в таких случаях: вернуть приданое «посестрии» его Татьяне Ерофеевой, «поставить келью», «дать вклад», «поить и кормить до ее смерти»⁶⁶.

В Записных книгах Судного приказа Рязанского архиерейского дома упоминается дело по челобитной 14 сентября 1665 г. «посестрии» старицы Евфимии на «побратима» жильца Фоку Горюшкина, «что бутта он, Фока, бьет ее и мучит, и не поит, и не кормит, и даводила великими духовными делы». Чтобы уйти в монастырь, ей пришлось преодолеть несогласие мужа, препятствовавшего священникам проводить постриг («без повеленья мужа ее Фоки нигде не постригли»), поэтому Евфимия Горюшкина сама надела «черное платье» и просила, «чтоб ее челобитье писать к великому государю к Москве». Сложность дела состояла в том, что семьи служилых людей московских чинов и жильцов ведал по духовным делам патриарх, поэтому Евфимии Горюшкиной пришлось ждать решения дела из Москвы, но патриарх Никон в тот момент оставил престол. Тем не менее по «великого государя грамоте», присланной из патриаршего приказа, дело решили в пользу старицы, рязанский архиепископ должен был «по правилу святых апостол и святых отец указ учинить». Рязанский и муромский архиепископ Иларион «указал старице Еуфимье жить в монастыре Ографениной пустыни Покрова Пресветей Богородицы, а ему, Фоке, указал в тот монастырь дать вкладу пятнадцать рублев, да на келью двадцать пять рублев, да роботница, да корова, да ему ж, Фоке, давать ей, старице, на всякой год по шти рублев денег»⁶⁷.

⁶⁵ Муравьёва М.Г. Повседневные практики насилия: супружеское насилие в русских семьях XVIII века // Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб., 2012. С. 75.

⁶⁶ РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 946–948. В это время сбором вечных пошлин в Нижнем Новгороде ведал «десятильник» Афанасий Максимов, устранивший от ведения церковных дел поповских старост и решавший дела «по посулом» (Там же. Стб. 1016–1018).

⁶⁷ ГА РО, Библиотека, д. 13115, л. 11–11 об.

Обстоятельства прекращения прежнего брака из-за пострига кого-либо из супругов обычно тщательно расследовались при подаче челобитных о разрешении вступления в новый брак. 24 января 1668 г. рязанский и муромский архиепископ Иларион послал грамоту к поповскому старосте священнику Успенской церкви села Перкино Тамбовского уезда о сыске по челобитной монастырского крестьянина, просившего разрешить его сыну вступить в новый брак после ухода жены в монастырь: «А по той грамоте велено ему сыскати накрепко селы и деревни всяких чинов людми, и будет в сыску скажут, что за снохою ево за Анницею была какая скорбь, и жить сыну ево Марчки было с нею невозможно, и ему, Марчки, велено жениться иною женою беспенно, и о том велено отписать и тот сыск за руками прислать. А будет в сыску скажут так, что он, Марчко, ея, Анницу, постриг насилу, и скорбости за нею никакие не было, и жить ему было с нею возможно, и ему, Марчки, без архиепископья указу женитца не велено»⁶⁸.

Известны и другие случаи, когда после получения отпускной записи для пострига в монастырь муж женился снова, а прежняя жена оставалась в миру. Ответственность за неисполнение условий записей об уходе в монастырь оставалась на духовнике, бившем челом архиепископу на своих духовных детей. В одной из таких челобитных священника Кубенского погоста Киприана вологодскому и белозерскому архиепископу Маркеллу 28 июня 1661 г. изложена целая история, где оказались совмещены две причины расторжения брака. Сначала жена с сыном бежала от мужа к своему брату, мельнику Спасо-Прилуцкого монастыря. Только после того как муж разыскал её, брат пообещал, что сестра уйдёт в монастырь: «Сестра де моя устарела и не хочет с тобою жить, обещается постригчись». Отпускная на постриг была дана, муж вступил в новый брак, но его прежняя жена в монастырь так и не ушла: «Нынечи та моя дочь духовная нескорова ходит в миру непострижена»⁶⁹.

Отправка «под начал» в монастырь была одним из видов наказания для людей, уличённых в церковных преступлениях. В Записных книгах Рязанского митрополичьего дома отложились записи о суде по жалобам на рязанского дворянина Ивана Иванова сына Казначеева. Сначала 19 июля 1675 г. изветную челобитную на него подал священник села Подлесного (Богослова) Антип. Он ссылался на слова своей духовной дочери Устиньи Казначеевой, что её муж «Иван пиет безобразно и, напився пьян, бьет ея смертным убивством и хвалитца убить до смерти. Да он же де, Иван, говорит при народе, что де она, Устинья, живет с сыном Савою блудно, а ево де, попа Антипа, он, Иван Казначеев, не слушает». Уже этого было достаточно, чтобы рязанский и муромский митрополит Иосиф распорядился начать суд и держать Казначеева «в железах» на митрополичьем дворе⁷⁰.

27 июля 1675 г. сама Устинья Казначеева подала челобитную на мужа, перечислив все накопившиеся за десятилетия брака обиды. Сначала шёл перечень насильственных действий, ложных обвинений в кровосмешении и других ругательств: «Живет он, Иван, с нею, Устиньею, сорок лет не по закону, напився пьян бьет ея смертным убивством, и саблю рубил, и ножом резал, и, в мешок сажав, в воду волочил, и людем своим нагую ея на веревки вешал, велел избить,

⁶⁸ Там же, л. 410.

⁶⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 1942, л. 1.

⁷⁰ ГА РО, Библиотека, д. 13105, л. 141–142.

и хвалитца до смерти убить, или срубить, или зарезать. И с сыном родным Савою блудно складывает и говорит при народе, с отцом духовным и с сабаками потому ж блудно сложил. И естество свое ей, Устинье, кладет в рот, и всякое неистовство над нею чинил». Одновременно Устинья Казначеева предъявила мужу обвинения в прелюбодеянии с дворовыми: «Он же де, Иван, живет от ней со блудницами блудно, и со скотом блуд творит, и для блуда у жонки Уляшки ушиб младенца до смерти. И ныне де ея з детми збил з двора».

Дела «о беззаконии с рабами» и рождении незаконнорожденных детей упоминались в статье 80 главы XX «Суд о холопах» Соборного уложения 1649 г. (единственный раз, когда в этом законодательном памятнике говорится о церковном суде)⁷¹. Поэтому к такому обвинению в митрополичьем Судном приказе отнеслись особенно серьёзно. На очной ставке 28 июля 1675 г. продолжились взаимные упрёки. Иван Казначеев тоже обвинял жену в прелюбодеянии: «И июля ж в 28 день в духовном приказе была очная ставка, а он, Иван, по встречной челобитной даводил и уличал, что она, Устинья, жила блудно со стряпчим Богоявленского монастыря с Филипом Лутовым, и ныне де живет блудно с сыном своим с Савою, и ево, Ивана, бьет до полусмерти»⁷². В рассмотрение обстоятельств семейной драмы в селе Подлесном были втянуты дворовые люди, на которых ссылались в челобитных муж и жена.

Продолжение этой «достоевской» истории известно из публикации документов в XIX в. Оказалось, что по иску Устиньи Савельевой в митрополичьем Судном приказе её мужа Ивана Иванова сына Казначеева обвинили в сожительстве с дворовыми и отправили в монастырь. Пострадавшим от барского насилия холопам полагалась вольная. Такая «отпущенница» Екатерина Фёдорова подала в 1683 г. челобитную, откуда и известно, что Ивана Казначеева постригли в Богословский монастырь по приговору суда «во многих духовных делах и в насильном блудном с нею, Екатериницею, падении». Уйдя в монастырь, старец Иона взял «к себе в келью в келейники» сына обиженной им дворовой (может быть, и своего?), а в составленной в 1681 г. перед смертью изустной духовной записи отпустил его на волю⁷³.

Таким образом, материалы церковного суда в России XVII в. дают возможность осветить множество проблем частной жизни людей в сфере брачно-семейных отношений, подлежавших исключительно ведению Церкви. Исследователи церковного судопроизводства имеют дело с чрезвычайными событиями, нарушавшими нормальную жизнь социума: измена супругов, их оставление друг другом, болезни, постоянное семейное насилие и принуждение к постригу в монастырь. Впрочем, как справедливо заметил Д. Кайзер, «по иронии» именно такие дела, попадавшие в сферу официального внимания Церкви, и позволяют увидеть «настоятельное действие ценностей православного христианства»⁷⁴. Важно помнить о соотношении норм церковного права с действительностью и не подменять рассказ о частной жизни исключительно разбором «казусов» судебных дел.

⁷¹ Козляков В.Н. «Потому что их дело рабское...». К вопросу о применении ст. 80 главы XX «Суд о холопах» Соборного уложения 1649 г. // Canadian-American Slavic Studies. 2022. Vol. 56. P. 449–460.

⁷² ГА РО, Библиотека, д. 13105, л. 151–152.

⁷³ Перов И. Указ. соч. С. 208–209.

⁷⁴ Kaiser D.H. Quotidian Orthodoxy... P. 187.

Документы церковного суда отчётливо показывают уже отмечавшуюся исследователями гендерной истории схематичность представлений о «теремных затворницах», «домостроевских нравах» и «абсолютном бесправии женщин»⁷⁵. Архиерейский суд во многих случаях подтверждал правоту челобитчиц, они были вполне самостоятельной стороной судебного процесса и могли защищать свою честь и имущественные права. Хотя сложности в жизни вдов и других женщин в Московской Руси очевидны, важно изучать семейные отношения в целом, без искусственного выделения отдельной «женской истории».

Реконструкция мотивов поведения людей и шаблонов их мировоззрения во многом связана с определением не только семейного, но и сословного статуса участников дела. Как писал А.Я. Гуревич, люди Средневековья постоянно «соотнесены с корпорацией»⁷⁶. Приведённые примеры из материалов церковного суда касаются как людей Церкви, так и других категорий населения – крестьян и бобылей, посадских людей, казаков и ямщиков, детей боярских и жильцов. Существовали и территориальные особенности, влиявшие на порядок рассмотрения дел в Москве и уездах.

Каждый шаг члена прихода был на виду, а при малой мобильности населения и отсутствии «чужаков» и новых людей складывался особый «провинциальный мир», разделённый на городские и сельские общины. Мало кто тогда мог избежать контроля не только государства, но и таких общин, поэтому «частная жизнь» как направление исследований оказывается совсем не отъединённой от «большой» социальной истории, а, напротив, представляет ещё один возможный путь её изучения. Предпочтение должно быть отдано рассмотрению типичных ситуаций, где видно действие общих правил жизни людей, которым необходимо следовать. Только так можно понять представления о «законном» и «незаконном», «добром» и «недобром», любви и ненависти, о пороках, ставших предметом осуждения в «духовных делах»⁷⁷.

В обычной жизни прихожанам достаточно было не нарушать круг церковных праздников и постов, бывать на службах и исповедоваться у духовных отцов. Взаимные требования прихожан к священникам тоже оставались «не слишком завышенными»⁷⁸, но священники, участвовавшие на разных стадиях рассмотрения духовных дел в архиерейских Судных приказах, всё-таки играли важную роль в обществе. Судебная практика в делах о браках и разводах показывает разнообразие жизненных обстоятельств, позволяет понять границы между «частным» и «общественным», объясняет, в каких случаях люди просили дать «святительский суд и управу», а Церковь имела право вмешиваться в жизнь и дела прихожан. Церковный суд, определяя по каноническим правилам степень греха и наказания за совершённые духовные преступления, решал задачи сохранения повседневного уклада жизни и социальной устойчивости в рамках отдельных приходов и общин.

⁷⁵ Бошковска Н. Мир русской женщины... С. 280–350; Муравьёва М.Г. Повседневные практики насилия... С. 53–54, 61; Пушкарёва Н.Л. Женщины Древней Руси... С. 234, 362.

⁷⁶ Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 155.

⁷⁷ Кайзер Д. Развод, серьёзная болезнь и супружеская любовь в России в XVII в. // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвящённый чл.-корр. РАН Я.Н. Шапову. М., 2005. С. 26–267.

⁷⁸ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России XVI–XVII веках. М., 2002. С. 236–237, 249–250, 260–261.